

ты, лес, великолепные ювелирные изделия, оружие, боевое снаряжение и другие изделия русских мастеров широко экспортировались в различные страны мира. Отношения между русскими купцами за границей и иностранными на Руси регулировались специальными грамотами. В крупных городах в ограниченном количестве чеканились золотые и серебряные монеты. К сожалению, в главе «Деньги и денежное обращение» не указано происхождение русской гривны и русских монет, не показаны взаимосвязь между ними и техника их изготовления, а также эволюция реальных денежных знаков в домонгольской Руси. На карте кладов восточных монет помещены далеко не все из зарегистрированных кладов.

Десятая, одиннадцатая и двенадцатая главы, написанные проф. Б. А. Рыбаковым, А. В. Арциховским и Н. Н. Ворониным, посвящены военному делу, оружию и крепостным сооружениям.

История русского военного искусства прослежена с VI в., причем авторы использовали все имеющиеся письменные и вещественные источники по этому вопросу. Высокое качество русского оружия и снаряжения, славянские укрепления и городища и их особенности впервые описаны полно и ясно на основании последних достижений советской исторической и археологической науки. Высококачественное оружие и снаряжение славян, наряду с боевыми качествами самих воинов, обеспечили, как это показано в книге, успешную оборону от врагов и победоносные походы славянских дружин в различные земли от далекого Севера до Персии и южных берегов Италии.

Передовой стратегии и тактике войска эпохи Киевской Руси и феодальной раздробленности, вооружению русских воинов и русским крепостным сооружениям посвящены дальнейшие разделы этих глав.

История культуры древней Руси в дофеодальный период, составляющая приблизительно половину рецензируемой книги, могла быть написана только благодаря блестящим успехам советской археологической науки, так как именно ей принадлежат основные исследования в этой области.

Недостатки книги имеют второстепенный характер и легко устранимы.

Возникновение величественной и блестящей культуры Киевской Руси, как это явствует из многочисленных данных в рецензируемой книге, было не случайным, вдруг возникшим или привнесенным извне явлением, а результатом длительного и сложного процесса самостоятельного культурного развития славянских племен и опиралось на развитие производительных сил автохтонного славянского населения.

Ясное и занимательное изложение огромного фактического материала, рассмотренные культурно-исторические явления в тесной связи с фактами социальной и политической истории, большое количество рисунков, фотографий и исторических карт делают книгу доступной не только историкам, но и широким кругам советских читателей.

Г. Б. Федоров.

Б. А. РЫБАКОВ. *Ремесло древней Руси.* Издательство АН СССР, М.—Л., 1948, 792 стр., тираж 3500 экз., цена 45 руб.

Выход в свет книги Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси» является крупнейшим событием в исторической науке. За короткое время, прошедшее после издания, книга получила всеобщее признание, выразившееся в присуждении ее автору Сталинской премии I степени. Книга выходит далеко за рамки темы, которой она посвящена: в связи с вопросами ремесла поставлен и решен целый ряд археологических и исторических проблем, многие вопросы истории техники, экономики и даже идеологии. Новаторские приемы исследования, смелость автора в создании исторических гипотез позволили ему внести ясность во многие слабо исследованные проблемы нашей науки.

Книга Б. А. Рыбакова производит подлинный переворот в старых представлениях о ходе развития русской культуры. Она наносит сокрушительный удар по антипатриотическим тенденциям в исторической науке, незаслуженно прикидывавшим культурные достижения русского народа.

Книга замечательна тем, что все выводы основываются на системе точных и убедительных доказательств, для которых привлечены в огромном количестве вещественные и письменные источники. Автор ввел в археологию много оригинальных и плодотворных методологических приемов, заставивших по-новому заговорить вещи. Эти казавшиеся немymi источники помогли опровергнуть целый ряд заблуждений, созданных скудостью письменных свидетельств.

Уже сам по себе пересмотр всех вещевых источников является колоссальным трудом, настоящим научным подвигом, потребовавшим от автора исключительной целеустремленности и настойчивости в его многолетних исследованиях. Русской археологией на протяжении многих десятилетий были накоплены огромные количества вещей, которые могли служить основой для характеристики древнерусского ремесла. Однако буржуазная историография не сумела их полностью использовать. Советский ученый Б. А. Рыбаков пересмотрел письменные и вещественные источники с позиций исторического материализма и создал труд, разрушающий реакционные теории. Это — замечательное свидетельство прогрессивной роли советской науки. К книге Рыбакова будет обращаться не одно поколение ученых, она будет служить отправным пунктом для многих последующих работ. Таково значение трудов подлинных новаторов науки.

Книга охватывает период более, чем в 1000 лет: с IV до XV в. Она делится на две части: ремесло на Руси до монгольского завоевания и ремесло XIII—XV вв. Первая глава первой части: «Происхождение русского ремесла» (IV—VIII вв.) составляет самостоятельную тему, наиболее интересную для читателей ВДИ.

Для эпохи IV—VIII вв. письменных источников по истории ремесла почти не существует. Византийские сведения VI—VII вв. обходят стороной производственные вопросы. Поэтому доистория русского ремесла строится только на основании археологических данных, но и они очень неравномерно освещают как отдельные области, так и разные отрасли ремесленного производства.

Основываясь на разработанной советскими учеными теории этногенеза славянских племен, исходя из установленного ими принципа автохтонности славян в Восточной Европе, Б. А. Рыбаков стремится проследить глубокие скифо-сарматские корни культуры и ремесла Киевской Руси. Автор подчеркивает, однако, что не следует полностью отождествлять население Восточной Европы всех времен с позднейшими славянами. Славяне VIII—IX вв., может быть, и являются потомками скифов и населения дьяковских городищ, но пока мы можем говорить лишь о преемственности некоторых элементов культуры.

Скифская эпоха отмечена массовым переходом к обработке железа. В связи с этой темой автором составлена карта распространения железных руд (болотных, озерных и дерновых) в Восточной Европе, важная для выводов и в отношении последующих веков. Многие историки хозяйства отрицали возможность выработки на Руси железных изделий даже для X—XII вв. н. э., считая, что все железные вещи покупались русскими у иностранных купцов. Одним из аргументов являлась ссылка на удаленность месторождений железа от русских областей. Карта Б. А. Рыбакова опровергает это мнение, показывая, что русская равнина располагала огромными по тем временам запасами доступной и удобной для обработки железной руды.

Переходя к первым векам нашей эры, Б. А. Рыбаков выделяет два периода: римско-сарматский и антско-хазарский. В оба эти периода существовало глубокое различие между племенами севера и юга. На юге наблюдалось наиболее интенсивное развитие культуры, в частности ремесла. В римское время различие лесных и лесостепных районов усугублялось новым фактором — влиянием римской культуры (I—V вв. н. э.). Непосредственным носителем культуры римской эпохи было население, оставившее своеобразные погребальные памятники — поля погребальных урн, давно

уже связываемые с протославянами (венетами). Эта культура знает ряд сложных производств: помимо обработки железа и меди, появляется искусство выемчатой эмали, гончарный круг, производство черной лошенной посуды. Все эти производства связаны с выделением специалистов-ремесленников, которое произошло в IV—V вв. н. э.

В связи с вопросом об уровне развития ремесла в Среднем Приднепровье в эпоху полей погребальных урн Рыбаков подвергает критике «готскую теорию». Эта ложная теория, сторонники которой считали приход готов на юг крупным культурным событием и связывали с ним расцвет Приднепровья в IV—V вв., основывалась на весьма шатком фундаменте и все же держалась очень долго. Одним из археологических доказательств распространения готской культуры считалось наличие в Приднепровье вещей так называемого «готского типа» — выемчатых эмалей и пальчатых (лучевых) фибул. Путем точного анализа находок Б. А. Рыбаков приходит к выводу, что на Днепре расцвет производства эмалей падает как раз на послеготское время, когда готы в результате событий 375 г. ушли на Запад. Следовательно, связывать с готами предметы с выемчатой эмалью нет никаких оснований. То же относится и к пальчатым фибулам. Судя по области распространения, фибулы с выемчатой эмалью и медные лучевые фибулы нужно считать местным среднеднепровским изделием. Еще в III—IV вв., когда отдельные готские отряды были в причерноморских степях и воевали с антами, на Днепре существовала своя устойчивая и яркая культура полей погребальных урн и выемчатых эмалей, которую можно связывать с венетами-антами. Последовательной системой доказательств Б. А. Рыбаков разрушает археологические основы «готской теории» так усердно пропагандировавшейся немецкой националистической историографией.

В разделе «Критика готской теории» возражения археологов могут вызвать типологически-эволюционные ряды фибул (рис. 6 на стр. 54 и рис. 7 на стр. 58). Формально-типологический метод был и остается основным в буржуазной археологии. Порочность этого метода заключается в том, что вещам придается сила саморазвития независимо от исторического процесса. Так, например, считается, что каждая вещь переживает циклы развития от простого к сложному и от сложного снова к простому. Советская археология отвергла этот идеалистический в своей основе метод, сохранив, однако, формально-типологические классификации в тех случаях, когда их удается связать с историческими условиями, определившими процесс развития вещи. Изменение формы вещей вызывается усовершенствованием техники обработки материала, изменением образа жизни общества, создающего или потребляющего эти вещи, и т. д. Поэтому формально-типологические классификации не отвергаются в целом советскими археологами, но строятся не на принципе саморазвития вещи, а на совокупности абсолютно и относительно точно датированных объектов. Этому последнему требованию таблицы Б. А. Рыбакова не удовлетворяют. Большинство фибул, расположенных в таблице Б. А. Рыбакова не удовлетворяют. Они относятся, как говорит автор, «к пещерно-эволюционным рядам, не имеют точной даты. Они относятся, как говорит автор, «к печальному разряду случайных находок без указания обстоятельств их нахождения». Поэтому основой для расположения развития от простого к сложному и обратно — от сложного к простому. Сам автор отвергает этот принцип и пишет: «Типологически-эволюционные ряды не дают нам безусловно права считать простейшую форму всегда предшествующей по времени более сложной» (прим. 62 на стр. 62). Тем более не оправданно помещение этих таблиц в книге. Кстати, в системе доказательств автора они занимают совершенно второстепенное место, и их исключение нисколько не нарушило бы стройности всей его системы.

Вся книга Б. А. Рыбакова является сильнейшим ударом по буржуазной археологии, она показывает новую, советскую методику археологического исследования, в разработке которой немаловажная роль принадлежит автору книги. Именно поэтому эволюционные таблицы фибул, приводимые в рецензируемом труде, кажутся нам совершеннейшим анахронизмом.

VI и VII вв. в Среднем Приднепровье Б. А. Рыбаков определяет как антский по-

риод. Этот период начинается с завоевательных походов на Византию. К тому времени исчезает римская провинциальная культура приднепровских областей. К сожалению, древности антов очень мало известны, погребальных комплексов нет, а места поселений почти не изучены. Приходится судить лишь по отдельным находкам, да и то в ряде случаев еще недавно связывавшиеся с антами клады оказались им не принадлежащими. Это лишает возможности дать сколько-нибудь полный очерк развития ремесла у антов. И все же Б. А. Рыбаков находит ряд данных для его характеристики. Он связывает временный упадок (сказавшийся, в частности, в исчезновении гончарного круга) с нашествием гуннов.

VII—VIII и отчасти IX вв. Б. А. Рыбаков называет «хазарским» периодом. До того времени существовало довольно значительное различие между северными и южными восточнославянскими племенами. Технический и социальный уровень лесных культур в римско-венецианский период был несравненно ниже одновременной им культуры полей погребальных урн на среднем Днепре. Возрастающая роль земледелия на севере несколько уравнивает хозяйственный облик юга и севера, что, в свою очередь, подготавливает создание Киевского государства. Рассматривая южные и восточные связи славян VI—IX вв., Б. А. Рыбаков приходит к заключению, что не норманны, появившиеся в Среднем Приднепровье лишь в IX в., были создателями культуры Киевской Руси, а, наоборот, расцвет Приднепровья в VII—VIII вв., его связи с Византией, Ираном и арабами, его собственная высокая культура определили центр притяжения варяжских походов со второй половины IX в. Никакого перелома в развитии культуры (и, частности, ремесла) в связи с появлением варяжских отрядов в Приднепровье не произошло. Таким образом, неоспоримые археологические факты дают так же мало оснований для норманистских построений, как и для «готской теории». Разрушение этих теорий с помощью конкретного археологического материала (VI—IX вв.) — большая заслуга автора. Это тем более важно, что нигде не было такого произвола норманистских фальсификаций, как в области славянских древностей этого времени.

Очень важен для истории нашей Родины основной вывод, вытекающий из первой главы исследования о ремесле древней Руси. Вывод этот заключается в том, что ремесло в VI—VIII вв. стояло в некоторых областях (среднее Приднепровье) на довольно высоком техническом уровне и могло служить основой для складывавшегося в это время государственного образования.

Большой заслугой советских ученых является углубление исторической перспективы при изучении русской истории. Старая историография начинала историю Руси с IX в. Поэтому блестящая культура Киевской Руси казалась появившейся внезапно, возникшей из ничего. Для объяснения этого явления либо прибегали к помощи теории о норманнском культурном влиянии, якобы послужившем причиной переворота в развитии славянских племен, либо преувеличивали значение влияния византийской культуры. Изучив этногенез славянских племен и их культуру в древнейшие времена, советские ученые показали глубокие исторические корни расцвета культуры Киевской Руси. Он перестал казаться везанным, стало ясно, что он подготовлен предшествующим историческим развитием, рушились ложные теории сплошных влияний и заимствований. Изучение ремесла также подтверждает этот важный исторический вывод.

В первой главе рецензируемой работы Б. А. Рыбаковым поставлен важный вопрос о возникновении города как новой социально-экономической категории. Эта проблема очень сложна и выходит за рамки собственно русского ремесла. Эта проблема ники совершенно недостаточны. Ни один город, ни одно поселение, выросшее в город, не изучены детально археологически. Работы в этом направлении только начаты. Поэтому автор предлагает не окончательное решение вопроса, основанное на системе доказательств, подобно тому как он это делает в отношении других проблем, а лишь ряд гипотез. Нельзя не признать, что эти гипотезы являются наиболее вероятным правильным решением вопроса, доказательства чему, повидимому, будут найдены последующей археологической практикой.

Б. А. Рыбаков намечает следующие пути создания русских городов: 1) Часть го-

родов возникла путем разрастания укрепленных поселков, развития на них различных производств. Выделение ремесла в таком случае было решающим фактором превращения поселка в город. 2) Иногда город возникал из боярской или княжеской усадьбы, когда крепость превращалась в сложный хозяйственный комплекс, в котором очень видную роль занимали многочисленные ремесленники. Несомненно, что и в этом случае выделение и развитие ремесла и связанного с ним обмена сыграли решающую роль в развитии городов. С другой стороны, появление городов имело большое значение для дальнейшего развития ремесла. С IX в. развитие ремесла идет двумя путями: с одной стороны — деревенское ремесло и с другой — быстро обгоняющее его ремесло городское. Дальнейшее изложение в первой части следует по этим двум разделам. Раздельное рассмотрение археологических материалов по городскому и деревенскому ремеслу совершенно правомерно; оно основано на различном уровне, на различном темпе развития того и другого.

Анализ различных технических приемов русских ремесленников свидетельствует о том, что творческая мысль русских мастеров опережала развитие техники передовых стран Западной Европы, не знакомых со многими приемами, применявшимися на Руси.

Огромный интерес представляет глава о сбыте продукции в IX—XIII вв. Эта чрезвычайно важная тема могла быть поставлена только благодаря оригинальному методу, изобретенному и примененному Б. А. Рыбаковым. Задача сводилась к тому, чтобы во всей массе продукции русских ремесленников X—XIII вв. уловить вещи, изготовленные одним мастером или в одной мастерской, и нанести на карту места их находок. Для этого потребовалось сравнить десятки тысяч вещей, отыскать мельчайшие детали, свидетельствующие о том, что вещи вышли из рук одного мастера. В итоге удалось установить, что деревенские ремесленники работали на заказ и что их продукция расходилась в пределах очень незначительного района сбыта, радиусом в 10—20 км. Нормальный район сбыта городских мастеров достигал радиуса 50—100 км. Часть из них работала на рынок. Часть изделий русских мастеров экспортировалась в соседние государства; при этом русское ремесло оказало свое влияние на ряд западно-славянских областей.

Специальные главы в первой и во второй части посвящены быту ремесленников и их профессиональной организации. Блестящая культура Киевской Руси в значительной степени была обязана своим расцветом развитию русского ремесла. Монгольские завоеватели растоптали и расхитили эту цветущую культуру в момент ее наивысшего подъема. С этой знаменательной для всей истории грани начинается вторая часть книги, посвященная русскому ремеслу с середины XIII в. до второй половины XV в.

Пора монгольского ига мало изучена. Археологических данных об этой эпохе сравнительно мало, письменные источники бедны. Состояние источников сказалось на содержании второй части. Этот раздел книги отличается отрывочностью изложения. И все же нарисованная картина положения ремесла в период монгольского ига значительна по содержанию и по выводам. Разрушение русских городов, угон в плен мастеров, уничтожение производительных сил страны и в результате исчезновение ряда отраслей ремесленного производства — таковы были последствия монгольского погрома. И все же в период еще продолжающегося ига творческие силы народа не угасают. С середины XIV в. начинается возрождение Руси, причем подъем идет сравнительно быстро. Возобновляются многие производства, ставятся водяные двигатели, организуются стро. Возобновляются многие производства, растут кадры мастеров. Создание русского национального государства проходит на фоне как технического, так и социального роста русского ремесла. Ремесленники были активной политической силой, игравшей важнейшую роль в классовой борьбе того времени, способствовавшей разрушению феодальной обособленности, ослаблению мощи местного боярства и, следовательно, образованию русского национального государства.

Изучение истории русского ремесла позволило Э. А. Рыбакову сделать ряд общегисторических выводов, поэтому значение книги велико не только для ученых, интересующихся темой ремесла. Да и вообще «Ремесло древней Руси» будут читать и изучать не

только специалисты-историки. Всякий интересующийся историей русской культуры должен будет обратиться к этому научному труду.

Б. А. Рыбаков написал глубоко патристическую книгу, которая войдет в фонд крупнейших произведений русской историографии.

А. Л. Монгайт

В. Д. БЛАВАТСКИЙ. *Искусство Северного Причерноморья античной эпохи*, Москва, 1947. Издательство ГМИИ им. А. С. Пушкина, 119 стр.¹, 73 рис.

Труд В. Д. Блаватского, несомненно, привлечет к себе внимание широких кругов советских читателей, поскольку его тема тесно связана с прошлым нашей страны. В наших музеях хранится много произведений искусства, когда-то бытовавших на Северном Причерноморье, и число их ежедневно увеличивается в результате работ археологических экспедиций. Между тем в советской литературе нет ни одного труда, способного в общедоступной форме познакомить интересующихся с этой, исследуемой уже в течение столетия, областью знания. Следует поэтому всячески приветствовать инициативу ГМИИ по изданию книги, призванной заполнить этот пробел. Вместе с тем, ввиду большого значения, какое имеет освещение этой темы для советского читателя, необходимо подвергнуть книгу серьезному критическому рассмотрению, дабы оказать содействие в правильном решении поставленной трудной задачи.

В кратком предисловии, предпосланном тексту В. Д. Блаватского, указывается, что «Издательство Музея, выпуская в свет эту книгу, стремилось прежде всего восполнить заметный пробел в нашей научной и научно-популярной литературе». Отсюда как будто вытекает, что данная работа имеет в виду не только широкие круги интересующихся, мало знакомых или вовсе незнакомых с излагаемым предметом и желающих получить о нем общее представление, но также и лиц, стремящихся к более углубленному его изучению, например студентов и научных работников смежных специальностей. Однако принятый автором метод изложения противоречит указанным словам предисловия.

Почти половину небольшой книги занимает исторический очерк, конечно, совершенно необходимый для читателя, впервые знакомящегося с Северным Причерноморьем античной эпохи. Но необходимая жертва листажа оказывается очень невыгодной для изложения главной темы. Автор принужден посвятить искусству всего 70 страниц, из которых добрая половина идет под иллюстрации. В. Д. Блаватский выбрал для показа, и выбрал на наш взгляд удачно, большое количество разнообразных памятников искусства, памятников привозных и изготовленных на месте, найденных в различных пунктах Северного Причерноморья и относящихся к различным эпохам античности. Совершенно очевидно, что этому богатейшему материалу трудно было уместиться на немногих страницах книги. Приходилось либо пойти еще на одну жертву и ограничиться немногими, особо показательными, памятниками и построить на них по возможности связную и последовательную историю искусства изучаемой области в античную эпоху, либо остаться при обилии демонстрируемых памятников, расположить их в известной системе и свести текст к кратким пояснительным замечаниям к иллюстрациям. Автор выбрал второе. Читатель, который впервые увидит изображение, скажем, Чертомлыцкой вазы или росписей боспорских склепов, несомненно, вынесет из рецензируемой книги какие-то самые общие о них представления, а следовательно, и соответствующие познания по излагаемой теме.

Если таковой была цель автора, то он ее достиг. Но мы боимся, что читатели, подходящие к книге с большими требованиями, останутся неудовлетворенными.

В упомянутом уже предисловии «От издательства» указывается также на то, что

¹ Ср. рецензию И. Б. Зеест на ту же книгу, ВДИ, № 1, 1949, стр. 134—137